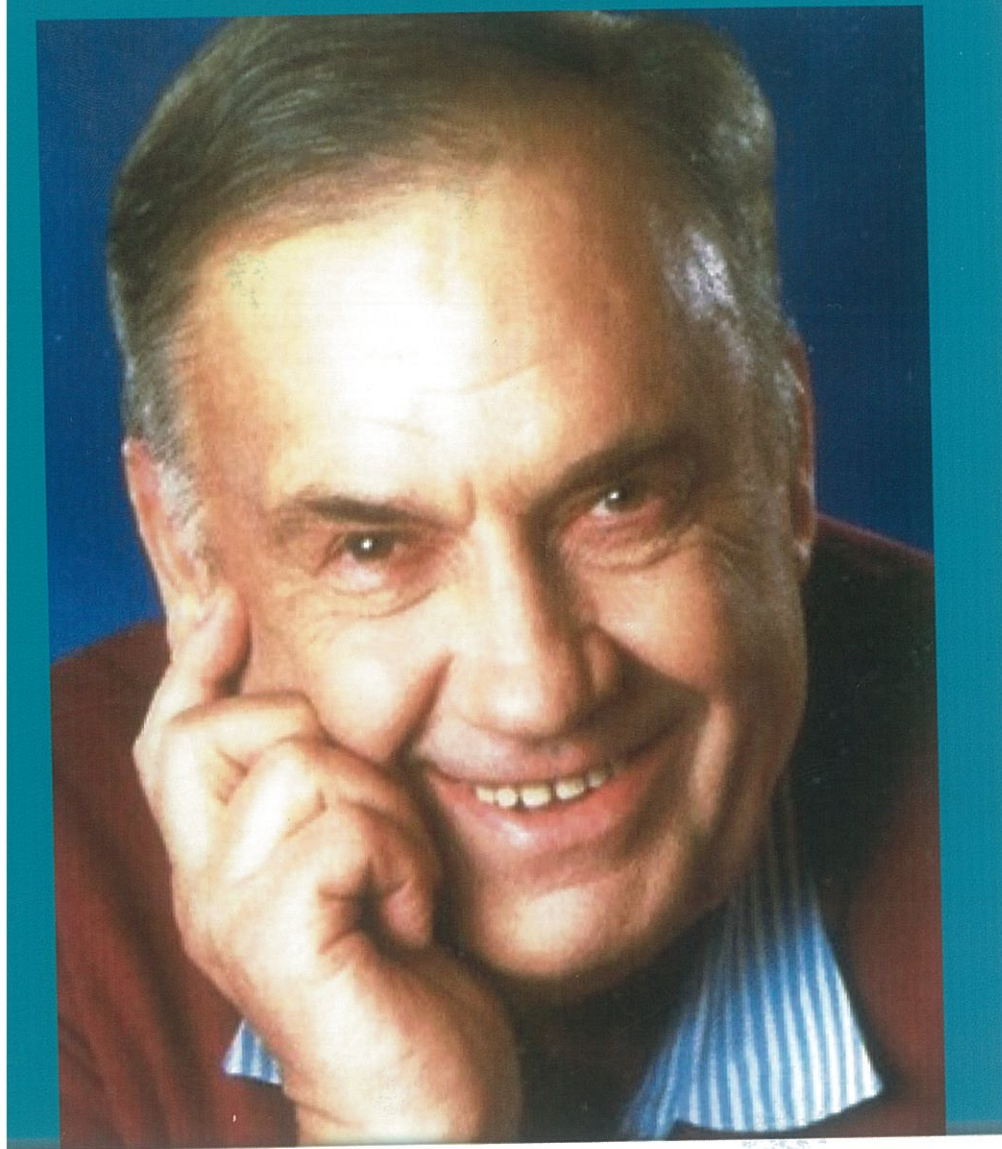

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

**ЛЮБОВЬ —
ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА**

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ
ЛЮБОВЬ —
ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

Тбилиси
2017

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

© Русский клуб. 2017
ISBN 978-9941-27-532-6

Гениальный режиссер и замечательный человек Эльдар Рязанов, мой близкий друг, ушел из жизни, но оставил после себя бессмертное наследие грядущим поколениям – фильмы, которые никогда не утратят своей актуальности, полные любви к человеку и доброго юмора.

Он был бесконечно одаренной, многогранной личностью – кинорежиссером, сценаристом, актером, педагогом, телеведущим, драматургом, писателем...

Помимо всего перечисленного, Эльдар Рязанов писал замечательные, добрые, хорошие стихи. Его душа и здесь выразила свою творческую сущность.

Мы познакомились в Москве, когда я работал на «Мосфильме», дружили, часто встречались.

В год моего 80-летия тбилисский Музей театра, музыки, кино и хореографии подготовил мою выставку, очень хорошую. Но юбилейный вечер там не состоялся. Его провели Эльдар Александрович и Эмма Валериановна. И Эльдар со сцены объявил, что дарит мне свой клуб «Эльдар», который назван в мою честь. В шутку, конечно. Этот праздник стал для меня большим подарком, и я никогда его не забуду.

Очень Вас не хватает, Эльдар Александрович...

Ваш друг Эльдар ШЕНГЕЛАЯ

* * *

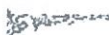
Жизнь, к сожалению, сердита,
она не жалует старье.
Одни взлетают на орбиту,
другие катятся с нее.

Таков закон круговорота,
и исключений никаких:
одни уходят за ворота,
иные входят через них.

И те, кто взлезли на орбиту,
и те, кто шлепнулся, упал,
одною, в общем, ниткой шиты...
И у разбитого корыта
у всех на всех — один финал!

Откинешь в сторону копыта,
хоть будь ты вошь,
хоть будь ты вождь...
Обратные пути закрыты —
жизнь не воротишь, не вернешь.

* * *

Как много песен о любви к Отчизне!
Певцы со всех экранов и эстрад,
что, мол, для Родины не пожалеют жизни,
через динамики на всю страну кричат.

А я б о том, что глубоко интимно,
не декламировал, не пел бы, не орал.
Когда о сокровенном пишут гимны,
похоже, наживают капитал.

Земля не фразы требует, а плуга.
Как ей осточертели трепачи!
Вот мы с землей посмотрим друг на друга
и о любви взаимной помолчим...

* * *

У жизни нашей кратки сроки.
Мы, как бумага для письма,
где время пишет свои строки
порой без чувства и ума.

Вся наша жизнь – дорога к смерти,
письмо, где тексты – ерунда.
Потом заклеют нас в конверте,
пошлют неведомо куда...

И нет постскриптума, поверьте.

ДЕТСКИЕ СТИХИ О РЯЗАНОВЕ, СОЧИНЕННЫЕ ИМ ЖЕ САМИМ

Так что же такое Рязанов Эльдар?
Расскажем о нем по порядку:
Рязанов не молод, но он и не стар,
не любит он делать зарядку.
Умеет готовить салат и омлет,
гордится собой как шофером.
В кино он работает множество лет,
и там он слывет режиссером.
Врывается часто в чужие дома –
ему телевизор отмычка –
и любит поесть до потери ума,
а это дурная привычка.
В одежде не франт, не педант, не эстет,
как будто небрежна манера.
Он просто не может купить туалет –
увы! – не бывает размера.
Эльдар Александрович – из толстяков,
что рвутся худеть, но напрасно.
И если работа – удел дураков,
Рязанов – дурак первоклассный.
На склоне годов принялся за стихи,
себя не считая поэтом.
Имеет еще кой-какие грехи,
но здесь неудобно об этом.
В техническом смысле он полный debil,
в компьютерный век ему трудно.
Но так получилось: он жизнь полюбил,
и это у них обоюдно.
Представьте, Рязанов удачно женат,
с женою живет он отлично.
Он любит друзей и хорошему рад.
И это мне в нем симпатично.

* * *

Стихи — капризная материя,
непредсказуемый предмет.
Им широко открою двери я
и жду, а их все нет и нет.

А коль приходят, то незваными...
Тогда бросаю все дела.
Всегда так было с графоманами,
а я — ура! — из их числа.

* * *

Почему участь горькая выпала мне?
Почему я родился в несчастной стране?
Почему беспросветно живет мой народ?
Почему этот строй он к чертям не пошлет?
Почему он привык к неживым словесам?
Почему он за дело не примется сам?..
У меня еще много таких «почему»,
но ответов на них не найду, не пойму...

* * *

Жизнь одного уложится в строфу.
На чью-то жизнь не хватит и поэмы.
Иной по веку мчится, как тайфун,
другой медлительно смакует время.

Казалось, что я жил, как песню пел:
как строчки – дни, а годы – как баллады.
Но сколько не сделал, не успел...
Немало в прожитом смешной бравлады.

Шикарна мина при плохой игре.
А жизнь-то вся в одну влезает строчку:
мол, вроде, жил... да помер в октябре...
декабре... январе.
И вот и все. И можно ставить точку.

ЦИКЛ УСПЕХА

Успех поделен по годам,
а что вы, собственно, хотели?
В пять лет удачей было нам
проснуться на сухой постели.

В семнадцать – мысли об одном,
как женщины быстрее добиться.
И счастье состояло в том,
чтоб в первый раз не осрамиться.

А в двадцать пять везет тому,
кто смог, не мешкая, умело,
найти хорошую жену,
что, кстати, не простое дело.

Куда-то делись все друзья,
то в тридцать пять – дурные вести.
Для нас карьера и семья,
теперь стоят на первом месте.

Все на круги придет своя,
мы в сорок пять вновь у барьера.
Важней для нас уже семья,
и только лишь потом – карьера.

А в шестьдесят пять загрустим,
о женщинах... (скажи на милость).
И как в семнадцать, захотим,
чтобы хоть что-то получилось.

Но вот уж восемьдесят пять.
Как быстро годы пролетели.
Одно лишь счастье нам опять –
проснуться на сухой постели.

КАПРИЗНАЯ ПАМЯТЬ

У памяти моей дурное свойство, —
любая пакость будет долго тлеть.
Хочу прогнать больное беспокойство,
но не могу себя преодолеть.

Как в безразмерной камере хранения,
в сознании — чемоданы и мешки,
в которых накопились оскорбления,
обида, унижения и щелчки.

Не в силах изменить свою природу,
я поименно помню всех врагов.
Обиды-шрамы ноют в непогоду,
к прощенью я, простите, не готов.

В самом себе копаюсь я капризно,
на свалке памяти я черт-те что храню...
Обидчиков повычеркав из жизни,
я их в воображении хороню.

Конечно, признавать все это стыдно,
и я раскрыл свой неприглядный вид.
Я очень плох, и это очевидно,
мое сознание — летопись обид!

У памяти моей дурное свойство —
я помню то, что лучше позабыть.
Хочу прогнать больное беспокойство,
но не могу себя переломить.

МУЗЫКА ЖИЗНИ

Что жизнь? Музыкальная пьеса,
соната ли, fuga иль месса,
сюита, ноктюрн или скерцо?
Тут ритмы диктуются сердцем.

Пиликает, тренькает, шпарит,
бренчит иль бывает в ударе.
Играется без остановки.
Меняются лишь оркестровки.

Ребячество наше прелестно,
хрустально, как отзвук челюсты.
Потом мы становимся старше,
ведут нас военные марши.

Пьяняще стучат барабаны,
зовущие в странные страны.
Но вот увенчали нас лавры,
грохочут тарелки, литавры.

А как зажигательны скрипки
От нежной зазывной улыбки.
Кончается общее тутти.
Не будьте столь строги, не будьте.

Мелодию, дивное диво,
дудим мы порою фальшиво.
Проносится музыка скоро
под взмахи судьбы дирижера.

Слабеют со временем уши,
напевы доносятся глуше.
Оркестры играют все тише.
Жаль, реквием я не услышу.

* * *

Все тороплюсь, спешу, лечу я,
всегда я в беге нахожусь,
нехваткой времени врачую
Во мне таящуюся грусть.

И все ж не вижу в этом смысла —
жить, время вечно теребя.
Куда бы я ни торопился,
я убегая от себя.

Ищу я новые занятия,
гоню карьером свою жизнь.
Хочу ее совсем загнать я...
Да от себя не убежишь!

* * *

На пристани начертано:
«Не приставать, не чалиться!»
А волны ударяются о сваи, о причал...
Когда на сердце ветрено,
то незачем печалиться...
Нам пароход простуженный прощально прокричал.

На волнах мы качаемся
под проливными грозами –
ведь мы с тобой катаемся на лодке надувной.
Зонтом мы укрываемся,
а дождь сечет нас розгами,
и подгоняет лодочку ветрило продувной.

Несет нас мимо пристани,
старинной и заброшенной,
но молчаливо помнящей далекие года,
когда с лихими свистами,
толкаясь по-хорошему,
к ней прижимались белые, холеные суда.

Начертано на пристани:
«Не приставать, не чалиться!»
А, в общем, очень хочется куда-нибудь пристать...
Пусть будет, что предписано,
пусть будет все нечаянно,
нам вместе так естественно, как свойственно дышать.

Мы в белой будке скроемся,
с тобой от ливня спрячемся...
Асфальт здесь обрывается, здесь прежде был паром.
Нет никого тут, кроме нас...
Дыхание горячее...
И ветер надрывается от счастья за окном.

На пирсе намалевано:
«Не приставать, не чалиться!»
А в будке у паромщика нам, взломщикам, приют.
Здесь дело поллюбовное,
Все кружится, качается...
И к нам, как к этой пристани, пускай не пристают.

* * *

Когда я просто на тебя смотрю,
то за тебя судьбу благодарю.

Когда твоя рука в моей руке,
то все плохое где-то вдалеке.

Когда щекой к твоей я прислонюсь,
то ничего на свете не боюсь.

Когда я глажу волосы твои,
то сердце замирает от любви.

Когда гляжу в счастливые глаза,
то на моих от нежности слеза.

Как то, что чувствую, пересказать?
Ты мне жена, сестра, подруга, мать.

Не существует безупречных слов,
что могут передать мою любовь.

И оттого, что рядом ты со мной,
я добрый, я хороший, я живой.

Стих этот старомоден, неказист
и слишком прост, но искренен и чист.

С улыбкой светлой на тебя смотрю,
и жизнь, что вместе мы, благодарю.

Эльдар Александрович Рязанов

С Эммой Валериановной Абайдуллиной

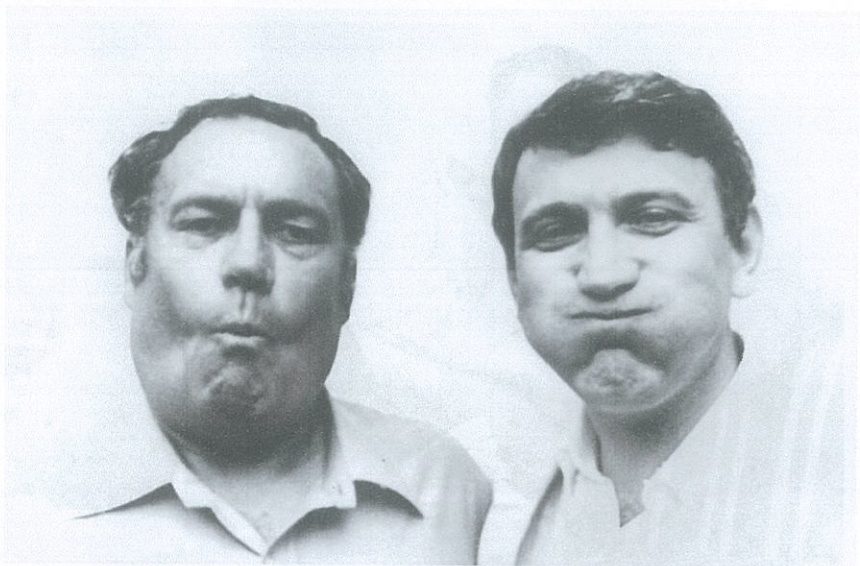
На съемках фильмов «Гараж»...

Снимок из фильма «Гараж»

«Ирония судьбы, или с легким паром!»

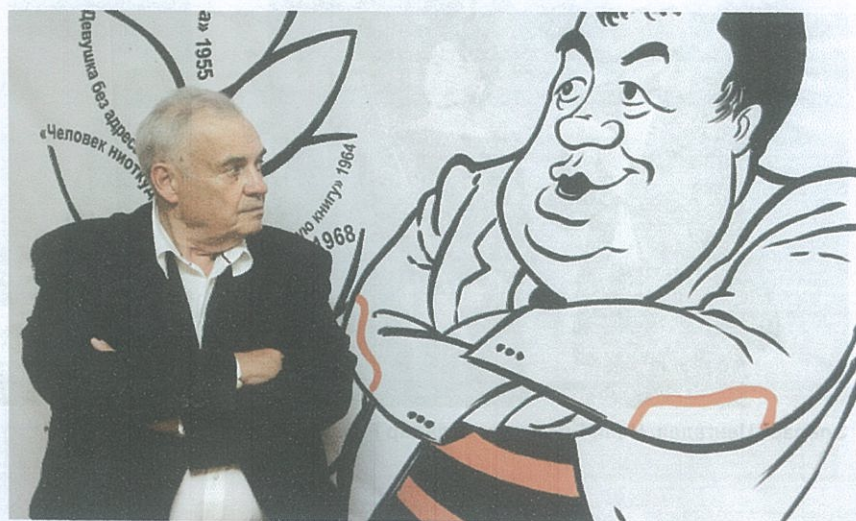
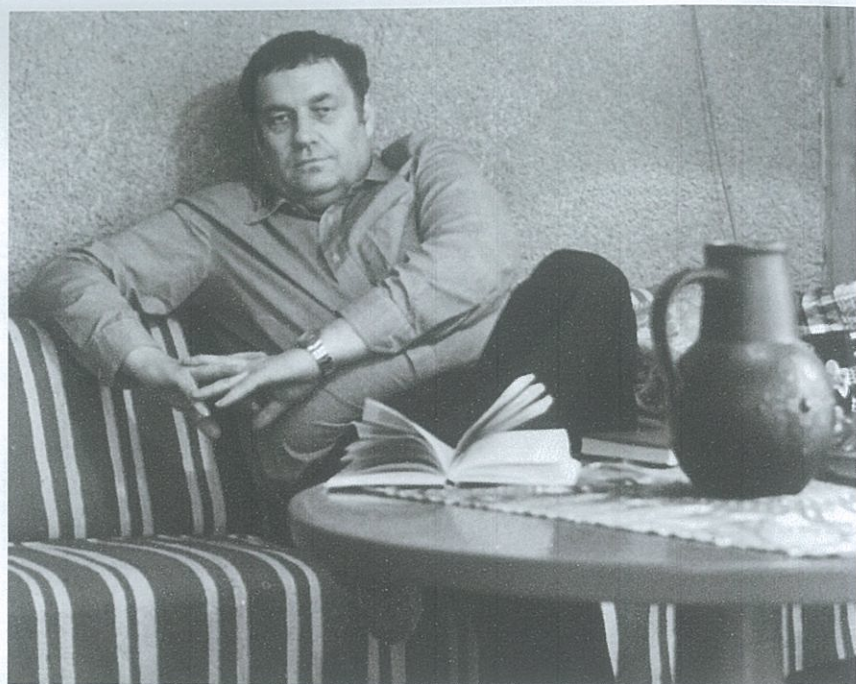
Снимок из фильма «Ирония судьбы, или с легким паром!»

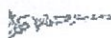

«Два Эльдара»

Эльдар Шенгелая, Нани Брегвадзе, Эльдар Рязанов

ПИСЬМО ПОСТАРЕВШЕМУ ДРУГУ

Ну, какая же это заслуга –
спрятать душу свою под замок
оттого, что ты сверзился с круга,
изнывать от тоски и досуга,
слушать, как надывается выюга,
упиваясь, что ты одинок.

Ну, какое же это подспорье,
что ты доступ друзьям перекрыл,
что ты пестуешь горюшко-горе,
проживаешь в обиде и вздоре?
Ты, как крест на глухом косогоре,
под которым себя схоронил.

Ну, какая же это отрада, –
не дождавшись финала парада,
разломаться, сойти, уступить?
Годы – горе, а мысли – отравы...
Но на то и мужская отвага,
чтоб с улыбкой навек уходить.

* * *

Я все еще, как прежде, жил, живу,
а наступило время отступленья.
Чтобы всю жизнь держаться на плаву,
у каждого свои приспособленья.

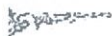
Я никогда не кланчил, не просил,
Карьерной не обременен заботой.
Я просто сочинял по мере сил
и делал это с сердцем и охотой.

Но невозможно без конца черпать —
колодец не бездонным оказался.
А я привык — давать, давать, давать!..
И, очевидно, вдрызг поиздержался.

Проснусь под утро... Долго не засну...
О, как сдавать позиции обидно!
Но то, что потихоньку я тону,
покамест никому еще не видно.

Богатства я за годы не скопил,
хотя вся жизнь ухлопана на службу.
В дорогу ничего я не купил...
Да в этот путь и ничего не нужно.

* * *

В трамвай, что несется в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями – толкотня,
и места там нет для меня.

В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже и тесно.
Нацелился, было, вскочить...
Да, черт с ним, решил пропустить.

А этот трамвай – до Ордынки...
Я впрыгну в него по старинке,
повисну опять на подножке
и в юность вернусь на немножко.

Под лязганье стрелок трамвайных
я вспомню подружек случайных,
забытые дружбы и лица...
И с этим ничто не сравнится!

* * *

Любовь готова все прощать,
когда она – любовь,
умеет беспредельно ждать,
когда она – любовь,
любовь не может грешной быть,
когда она – любовь,
ее немыслимо забыть,
когда она – любовь,
она способна жизнь отдать,
когда она – любовь,
она – спасенье, благодать,
когда она – любовь,
полна безмерной доброты,
когда она – любовь,
она естественна, как ты,
когда она – любовь.

* * *

Я желал бы свергнуть злое иго
суеты, общенья, встреч и прочего.
Я коплю, как скряга и сквалыга,
редкие мгновенья одиночества.

Боже, сколько в разговорах вздора:
ни подумать, ни сосредоточиться.
Остается лишь одна опора –
редкие мгновенья одиночества.

Меня грабят все, кому в охоту,
мои дни по ветру раскурочены...
Я мечтаю лечь на дно окопа
в редкие мгновенья одиночества.

Непонятно, где найти спасенье?
Кто бы знал, как тишины мне хочется!
Удалось сложить стихотворенье
в редкие мгновенья одиночества.

* * *

В старинном парке корпуса больницы,
кирпичные простые корпуса...
Как жаль, что не учился я молиться,
и горько, что не верю в чудеса.

А за окном моей палаты осень,
листве почившей скоро быть в снегу.
Я весь в разброде, не сосредоточен,
принять несправедливость не могу.

Что мне теперь до участи народа,
куда пойдет и чем закончит век?
Как умирает праведно природа,
как худо умирает человек.

Мне здесь дано уйти и раствориться...
Прощайте, запахи и голоса,
цвета и звуки, дорогие лица,
кирпичные простые корпуса.

* * *

Вышел я из стен больницы,
мне сказали доктора:
надо вам уgomониться,
отдыхать пришла пора.

Не годится образ жизни
тот, что прежде вы вели.
В вашем зрелом организме
хвори разные взошли.

Мы продолжим процедуры,
капли, порошки, микстуры,
цикл вливаний и уколов,
назначаем курс иголок, —

последим амбулаторно,
чтобы вам не слечь повторно.

Мы рекомендуем также,
хоть морально тяжело,
чтоб не поднимали тяжесть
больше, чем в одно кило.

Не летайте самолетом,
плыть нельзя на корабле,
отгоняйте все заботы,
крест поставьте на руле...

Вам не надо ездить в горы,
ни на север, ни на юг,
лучше не купаться в море —
можно захлебнуться вдруг.

Очень бойтесь простужаться,
вредно кашлять и чихать.
Может кончиться ужасно,
даже страшно рассказать.

Пить теперь нельзя вам кофе,
не советуем и чай,
ведет кофе к катастрофе,
как и чай, но невзначай.

Позабудьте про мясное,
про конфеты, про мучное,
про горчицу, уксус, соль —
только постный пресный стол.

Исключите пол прекрасный,
алкоголя ни гугу.
Вам и самому все ясно,
эти радости — врагу!

И два слова о работе:
фильм придется отложить
или сразу вы умрете.
А могли б еще пожить.

Дело в том, что в нервотрепке —
что для вас смертельный риск —
на кого-то наорете,
и немедля вдарит криз.

Значит, так: не волноваться,
ерундой не раздражаться,
ни за что не горячиться,
а не то опять в больницу.

Пусть все рушится и тонет,
главное — хороший тонус!

И не нарушать запретов
никогда, ни в чем, нигде.
Коль преступите заветы,
прямо скажем, быть беде.

Интересный вышел фокус,
тут, попробуй, разбежись!..
На хрена мне этот тонус
и зачем такая жизнь?!

* * *

Жизнь скоро кончится... Меня не станет...
И я в природе вечной растворюсь.
Пока живут в тебе печаль и память,
я снова пред тобою появлюсь.

Воскресну для тебя, и не однажды:
водою, утоляющею жажду,
прохладным ветром в невозможный зной,
огнем камина ледяной зимой.

Возникну пред тобой неоднократно, –
закатным, легким, гаснущим лучом
иль стаей туч, бегущих в беспорядке,
лесным ручьем, журчащим ни о чем.

Поклонится с намеком и приветом
кровавая рябиновая гроздь,
луна с тобою поиграет светом
иль простучит по кровле теплый дождь.

Ночами бесконечными напомним
листва, что смотрит в окна наших комнат...
Повалит наш любимый крупный снег –
ты мимолетно вспомнишь обо мне.

Потом я стану появляться реже,
скромнее надо быть, коль стал ничем.
Но вдруг любовь перед тобой забрезжит...
И тут уж я исчезну насовсем.

* * *

Хочется легкого, светлого, нежного,
раннего, хрупкого и пустопорожного,
и безрассудного, и безмятежного,
напрочь забытого и невозможного.

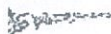
Хочется рухнуть в траву непомятую,
в небо уставить глаза завидушие
и окунуться в цветочные запахи,
и без конца обожать все живущее.

Хочется видеть изгиб и течение
синей реки среди курчавых кустарников,
впитывать кожей солнца свечение,
в воду, как в детстве, сигать без купальников.

Хочется милой наивной мелодии,
воздух глотать, словно ягоды спелые,
чтоб сумасбродно душа колобродила
и чтобы сердце неслошь, ошалелое.

Хочется встретиться с тем, что утрачено,
хоть на мгновенье упасть в это дальше...
Только за все, что промчалось, заплачено,
и остается расплата прощальная.

* * *

Пусть мы живем в доме чужом,
но ведь и жизнь взята в аренду.
Когда-то, молодой пижон,
вбежал я в мир, как на арену.

Запрыгал бодро по коври,
участник яркого парада.
Мешая факты и игру,
вокруг крутилась клоунада.

Не сразу понял, что и как.
Сгорали лица, чувства, даты...
И был я сам себе батрак,
у этой жизни арендатор.

К концу подходит договор,
кончаются рассрочки, льготы.
Жизнь — неуютный кредитор,
все время должен я по счету.

Живу и, стало быть, плачу
неисчислимые налоги:
волненьем, горем, в крик кричу,
люблю, боюсь, не сплю в тревоге.

Но все равно не доплатил,
такая вышла незадача.
Хоть бьюсь я на пределе сил,
а в кассе вечно недовостача.

Неравноправен наш контракт,
условия его кабальны,
его не выполнить никак
и жалко, что финал печальный.

И сокрушаться ни к чему...
Иным, что выйдут на арену,
вот так же жить в чужом дому —
платить, платить, платить аренду.

* * *

Почти обшарен шар земной,
хотя не до конца изучен.
Но что мне мир, коль сам собой
я недоволен и измучен.

Не смерил всех своих глубин,
во мне немало белых пятен.
Пускай я дожил до седин,
но не во всем себе понятен.

Стараюсь жить я по уму,
заверить, что благоразумен.
Но мне-то ясно самому,
что я – увы! – непредсказуем.

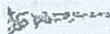
У расписания в плену
я следую привычным рейсом.
Вдруг неожиданно взбрыкну –
поеду поперек по рельсам.

Нормальный, вроде, не чудной,
и знаю правила вождения.
Но вот я левой стороной
прусь против встречного движения.

Корят и гладят по плечу,
чтоб поведение исправил.
Да я и сам-то не хочу
быть исключением из правил.

Я обещания даю,
я соглашаюсь, соглашаюсь:
мол, изменюсь, пойду в строю!
Но – бац! – и я опять срываюсь.

МОНОЛОГ КИНОРЕЖИССЕРА

Я в своих героях растворялся,
вроде, жизнь я протопал не одну.
И, хоть сам собою оставался,
был у них заложником в плену.

Вкладывал в героев силы, соки,
странности, характеры, любовь...
Да ведь дети всякий раз жестоки,
с легким сердцем пили мою кровь.

Жизнь мою не длили – сокращали,
с каждым шли упрямые бои.
Мне близки их раны и печали,
словно это горести мои.

Чужаками стали персонажи,
на мои невзгоды им плевать.
Не сказали мне «спасибо» даже
и ушли куда-то кочевать.

Только и созданья мои бренны,
не было иллюзий на их счет.
Вымысел иль созидатель бедный –
кто из них кого переживет?

Персонажи, встретаясь у могилы
автора, который их творил,
может, скажут: «Ты прости нас, милый!
Гран мерси за то, что нас родил!»

Но возможна версия иная:
все живет убогий, дряхлый дед,
а его фантазия смешная
померла тому уж много лет.

* * *

Как сладки молодые дни,
как годы ранние беспечны...
И хоть потом горьки они —
дай Бог, чтоб длились бесконечно.

В двенадцать, в снег, в пургу, в мороз
к нам Новый год пришел намерен...
И был простителен мой тост
«Дай Бог, чтоб не был он последний».

Зимой измотан... Где ж весна
с ее красою заповедной?
Болею и ждал. И вот пришла она!..
Дай Бог, чтоб не была последней.

Усталость, ссоры и мигрень...
Сменялись трудности и бредни
в нелепый и постылый день...
Дай Бог, чтоб не был он последний.

Бывает тошно... Устаешь,
а тут еще и дождь зловредный, —
осенний, безнадежный дождь...
Дай Бог, чтоб не был он последний.

Преодолев души разлом,
на станции одной, дорожной
нашел тебя... И стал наш дом,
дал Бог, обителью надежной.

Седые волосы твои
свободны... Непокорны гребню.
А я? Я гибну от любви...
Дай Бог, чтобы была последней.

От жизни я еще не стих, —
тревожной жизни и печальной...
И сочинил вот этот стих,
дай Бог, чтоб не был он прощальный.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ, К СОЖАЛЕНИЮ, СЕРДИТА...	4
КАК МНОГО ПЕСЕН О ЛЮБВИ К ОТЧИЗНЕ...	5
У ЖИЗНИ НАШЕЙ КРАТКИ СРОКИ...	6
ДЕТСКИЕ СТИХИ О РЯЗАНОВЕ, СОЧИНЕННЫЕ ИМ ЖЕ САМИМ	7
СТИХИ – КАПРИЗНАЯ МАТЕРИЯ...	8
ПОЧЕМУ УЧАСТЬ ГОРЬКАЯ ВЫПАЛА МНЕ?	9
ЖИЗНЬ ОДНОГО УЛОЖИТСЯ В СТРОФУ...	10
ЦИКЛ УСПЕХА	11
КАПРИЗНАЯ ПАМЯТЬ	12
МУЗЫКА ЖИЗНИ	13
ВСЕ ТОРОПЛЮСЬ, СПЕШУ, ЛЕЧУ Я...	14
НА ПРИСТАНИ НАЧЕРТАНО...	15
КОГДА Я ПРОСТО НА ТЕБЯ СМОТРЮ...	16
ПИСЬМО ПОСТАРЕВШЕМУ ДРУГУ	17
Я ВСЕ ЕЩЕ, КАК ПРЕЖДЕ, ЖИЛ, ЖИВУ...	18
В ТРАМВАЙ, ЧТО НЕСЕТСЯ В БЕССМЕРТЬЕ...	19
ЛЮБОВЬ ГОТОВА ВСЕ ПРОЩАТЬ...	20
Я ЖЕЛАЛ БЫ СВЕРГНУТЬ ЗЛОЕ ИГО...	21
В СТАРИННОМ ПАРКЕ КОРПУСА БОЛЬНИЦЫ...	22
ВЫШЕЛ Я ИЗ СТЕН БОЛЬНИЦЫ...	23
ЖИЗНЬ СКОРО КОНЧИТСЯ... МЕНЯ НЕ СТАНЕТ...	25
ХОЧЕТСЯ ЛЕГКОГО, СВЕТЛОГО, НЕЖНОГО...	26
ПУСТЬ МЫ ЖИВЕМ В ДОМУ ЧУЖОМ...	27
ПОЧТИ ОБШАРЕН ШАР ЗЕМНОЙ...	28
МОНОЛОГ КИНОРЕЖИССЕРА	29
КАК СЛАДКИ МОЛОДЫЕ ДНИ...	30

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ ЛЮБОВЬ — ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

Составитель
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
АЛЕНА ДЕНЯГА
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

